

Артур Конан Дойль . Любящее сердце

Дойль Артур Конан. Собрание сочинений в 8-ми т. Т.7.
Москва: Раритет. 1992. Перевод Е.Сазоновой
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 25 сентября
2003 года

Врачу с частной практикой, который утром и вечером принимает больных дома, а день тратит на визиты, трудно выкроить время, чтобы подышать свежим воздухом. Для этого он должен встать пораньше и выйти на улицу в тот час, когда магазины еще закрыты, воздух чист и свеж и все предметы резко очерчены, как бывает в мороз.

Этот час сам по себе очаровывает: улицы пусты, не встретишь никого, кроме почтальона и разносчика молока, и даже самая заурядная вещь обретает первозданную привлекательность, как будто и мостовая, и фонарь, и вывеска - все заново родилось для наступающего дня. В такой час даже удаленный от моря город выглядит прекрасным, а его пропитанный дымом воздух - и тот, кажется, несет в себе чистоту.

Но я жил у моря, правда, в городишке довольно дрянном; с ним примирял только его великий сосед. Но я забывал его изъяны, когда приходил посидеть на скамейке над морем, - у ног моих расстился огромный голубой залив, обрамленный желтым полумесяцем прибрежного песка. Я люблю, когда его гладь усеяна рыбацкими лодками; люблю, когда на горизонте проходят большие суда: самого корабля не видно, а только маленькое облачко надутых ветром парусов сдержанно и величественно проплывает вдали. Но больше всего я люблю, когда его озаряют косые лучи солнца, вдруг прорвавшиеся из-за гонимых ветром туч, и

вокруг на много миль нет и следа человека, оскорбляющего своим присутствием величие Природы. Я видел, как тонкие серые нити дождя под медленно плывущими облаками скрывали в дымке противоположный берег, а вокруг меня все было залито золотым светом, солнце искрилось на бурунах, проникая в зеленую толщу волн и освещая на дне островки фиолетовых водорослей. В такое утро, когда ветерок играет в волосах, воздух наполнен криками кружащихся чаек, а на губах капельки брызг, со свежими силами возвращаешься в душные комнаты больных к унылой, скучной и утомительной работе практикующего врача.

В один из таких дней я и встретил моего старика. Я уже собирался уходить, когда он подошел к скамье. Я бы заметил его даже в толпе. Это был человек крупного сложения, с благородной осанкой, с аристократической головой и красиво очерченными губами. Он с трудом подымался по извилистой тропинке, тяжело опираясь на палку, как будто огромные плечи сделались непосильной ношей для его слабеющих ног. Когда он приблизился, я заметил синеватый оттенок его губ и носа, предостерегающий знак Природы, говорящий о натруженном сердце.

- Трудный подъем, сэр. Как врач, я бы посоветовал вам отдохнуть, а потом идти дальше, - обратился я к нему.

Он с достоинством, по-старомодному поклонился и опустил на скамейку.

Я чувствовал, что он не хочет разговаривать, и тоже молчал, но не мог не наблюдать за ним краешком глаза. Это был удивительно как дошедший до нас представитель поколения первой половины этого века: в шляпе с низкой тульей и загнутыми краями, в черном атласном галстуке и с большим мясистым чисто выбритым лицом, покрытым сетью морщинок. Эти глаза, прежде чем потускнеть, смотрели из почтовых карет на землекопов, строивших полотно железной дороги, эти губы улыбались первым выпускам "Пиквика" и обсуждали их автора

- многообещающего молодого человека. Это лицо было своего рода летописью прошедших семидесяти лет, где как общественные, так и личные невзгоды оставили свой след; каждая морщинка была свидетельством чего-то: вот

эта на лбу, быть может, оставлена восстанием сипаев, эта - Крымской кампанией, а эти - мне почему-то хотелось думать - появились, когда умер Гордон. Пока я фантазировал таким нелепым образом, старый джентльмен с лакированной тростью как бы исчез из моего зрения, и передо мной воочию предстала жизнь нации за последние семьдесят лет.

Но он вскоре возвратил меня на землю. Отдышавшись, он достал из кармана письмо, надел очки в роговой оправе и очень внимательно прочитал его. Не имея ни малейшего намерения подсматривать, я все же заметил, что письмо было написано женской рукой. Он прочитал его дважды и так и остался сидеть с опущенными уголками губ, глядя поверх залива невидящим взором. Я никогда не видел более одинокого и заброшенного старика. Все доброе, что было во мне, пробудилось при виде этого печального лица. Но я знал, что он не был расположен разговаривать, и поэтому и еще потому, что меня ждал мой завтрак и мои пациенты, я отправился домой, оставив его сидеть на скамейке.

Я ни разу и не вспомнил о нем до следующего утра, когда в то же самое время он появился на мысу и сел рядом со мной на скамейку, которую я уже привык считать своей. Он опять поклонился перед тем как сесть, но, как и вчера, не был склонен поддерживать беседу. Он изменился за последние сутки, и изменился к худшему. Лицо его как-то отяжелело, морщин стало больше, он с трудом дышал, и зловещий синеватый оттенок стал заметнее. Отросшая за день щетина портила правильную линию его щек и подбородка, и он уже не держал свою большую прекрасную голову с той величавостью, которая так поразила меня в первый раз. В руках у него было письмо, не знаю то же или другое, но опять написанное женским почерком. Он по-стариковски бормотал над ним, хмурил брови и поджимал губы, как капризный ребенок. Я оставил его со смутным желанием узнать, кто же он и как случилось, что один-единственный весенний день мог до такой степени изменить его.

Он так заинтересовал меня, что на следующее утро я с нетерпением ждал его появления. Я опять увидел его в тот же час: он медленно поднимался, сторбившись, с

низко опущенной головой. Когда он подошел, я был поражен переменой, происшедшей в нем.

- Боюсь, что наш воздух не очень вам полезен, сэр, - осмелился я заметить.

Но ему, по-видимому, было трудно разговаривать. Он попытался что-то ответить мне, но это вылилось лишь в бормотание, и он замолк. Каким сломленным, жалким и старым показался он мне, по крайней мере лет на десять старше, чем в тот раз, когда я впервые увидел его! Мне было больно смотреть, как этот старик - великолепный образец человеческой породы - таял у меня на глазах. Трясущимися пальцами он разворачивал свое неизменное письмо. Кто была эта женщина, чьи слова так действовали на него? Может быть, дочь или внучка, ставшая единственной отрадой его существования и заменившая ему... Я улыбнулся, обнаружив, как быстро я сочинил целую историю небритого старика и его писем и даже успел взгрустнуть над ней. И тем не менее он опять весь день не выходил у меня из головы, и передо мной то и дело возникали его трясущиеся, узловатые, с синими прожилками руки, разворачивающие письмо.

Я не надеялся больше увидеть его. Еще один такой день, думал я, и ему придется слечь в постель или по крайней мере остаться дома. Каково же было мое удивление, когда на следующее утро я опять увидел его на скамье. Но, подойдя ближе, я стал вдруг сомневаться, он ли это. Та же шляпа с загнутыми полями, та же лакированная трость и те же роговые очки, но куда делась сутулость и заросшее серой щетиной несчастное лицо? Щеки его были чисто выбриты, губы твердо сжаты, глаза блестели, и его голова, величественно, словно орел на скале, покоилась на могучих плечах. Прямо, с выправкой гренадера сидел он на скамье и, не зная, на что направить бьющую через край энергию, отбрасывал тростью камешки. В петлице его черного, хорошо вычищенного куртка красовался золотистый цветок, а из кармана изящно выглядывал краешек красного шелкового платка. Его можно было принять за старшего сына того старика, который сидел здесь прошлое утро.

- Доброе утро, сэр, доброе утро! - прокричал старик весело, размахивая тростью в знак приветствия.

- Доброе утро, - ответил я. - Какое чудесное сегодня море!

- Да, сэр, но вы бы видели его перед восходом!

- Вы пришли сюда так рано?

- Едва стало видно тропинку, я был уже здесь.

- Вы очень рано встаете.

- Не всегда, сэр, не всегда. - Он хитро посмотрел на меня, как будто стараясь угадать, достоин ли я его доверия. - Дело в том, сэр, что сегодня возвращается моя жена.

Вероятно, на моем лице было написано, что я не совсем понимаю всей важности сказанного, но в то же время, уловив сочувствие в моих глазах, он подошел ко мне ближе и заговорил тихим голосом, как будто то, что он хотел сообщить мне по секрету, было настолько важным, что даже чайками нельзя было это доверить.

- Вы женаты, сэр?

- Нет.

- О, тогда вы вряд ли поймете! Мы женаты уже пятьдесят лет и никогда раньше не расставались, никогда.

- Надолго уезжала ваша жена? - спросил я.

- Да, сэр. На четыре дня. Видите ли, ей надо было поехать в Шотландию, по делам. Я хотел ехать с ней, но врачи мне запретили. Я бы, конечно, не стал их слушать, если бы не жена. Теперь, слава богу, все кончено, сегодня она приезжает и каждую минуту может быть здесь.

- Здесь?

- Да, сэр. Этот мыс и эта скамейка - наши старые друзья вот уже тридцать лет. Видите ли, люди, с которыми мы живем, нас не понимают, и среди них мы не чувствуем себя вдвоем. Поэтому мы встречаемся здесь. Я точно не знаю, каким поездом она приезжает, но даже если бы она приехала самым ранним, она бы уже застала меня здесь.

- В таком случае... - сказал я, поднимаясь.

- Нет, нет, сэр, не уходите. Прошу вас, останьтесь, если только я не

наскучил вам своими разговорами.

- Напротив, мне очень интересно, - сказал я.

- Я столько пережил за эти четыре дня! Какой это был кошмар! Вам, наверное, покажется странным, что старый человек может так любить?

- Это прекрасно.

- Дело не во мне, сэр! Любой на моем месте чувствовал бы то же, если бы ему посчастливилось иметь такую жену. Наверное, глядя на меня и после моих рассказов о нашей долгой совместной жизни, вы думаете, что она тоже старуха?

Эта мысль показалась ему такой забавной, что он от души рассмеялся.

- Знаете, такие, как она, всегда молоды сердцем, поэтому они и не стареют. По-моему, она ничуть не изменилась с тех пор, как впервые взяла мою руку в свои; это было в сорок пятом году. Сейчас она, может быть, полновата, но это даже хорошо, потому что девушкой она была слишком уж тонка. Я не принадлежал к ее кругу: я служил клерком в конторе ее отца. О, это была романтическая история! Я завоевал ее. И никогда не перестану радоваться своему счастью. Подумать только, что такая прелестная, такая необыкновенная девушка согласилась пройти об руку со мной и что я мог...

Вдруг он замолчал. Я удивленно взглянул на него. Он весь дрожал, всем своим большим телом, руки вцепились в скамейку, а ноги беспомощно скользили по гравию. Я понял: он пытался встать, но не мог, потому что был слишком взволнован. Я уже было протянул ему руку, но другое, более высокое соображение вежливости сдержало меня, я отвернулся и стал смотреть на море. Через минуту он был уже на ногах и торопливо спускался вниз по тропинке.

Навстречу ему шла женщина. Она была уже совсем близко, самое большее в тридцати ярдах. Не знаю, была ли она когда-нибудь такой, какой он мне описал ее, или это был только идеал, который создало его воображение. Я увидел женщину и в самом деле высокую, но толстую и бесформенную, ее загорелое лицо было покрыто здоровым румянцем, юбка комично обтягивала

ее, корсет был тесен и неуклюж, а зеленая лента на шляпе так просто раздражала.

И это было то прелестное, вечно юное создание! У меня сжалось сердце, когда я подумал, как мало такая женщина может оценить его и что она, быть может, даже недостойна такой любви. Уверенной походкой поднималась она по тропинке, в то время как он ковылял ей навстречу. Стараясь быть незамеченным, я украдкой наблюдал за ними. Я видел, как они подошли друг к другу, как он протянул к ней руки, но она, не желая, видимо, чтобы хоть кто-то был свидетелем их ласки, взяла одну его руку и пожала. Я видел ее лицо в эти минуты и успокоился за моего старика. Дай бог, чтобы в старости, когда руки мои будут трястись, а спина согнется, на меня так же смотрели глаза женщины.